

Дмитрий Петрович Бор-Раменский (настоящая фамилия — **Воробьёв**; 28 октября [\(9 ноября\) 1889](#), с. [Суда](#), Кунгурского уезда, Пермской губернии — [12 мая 1965](#), [Сарапул](#)) — [русский советский](#) писатель.

Бор-Раменский Дмитрий Петрович (1920)-ГКБУ ПермГАСПИ

Родился в бедняцкой семье, с детства батрачил по найму у кулаков. В 1906 г. поступил в учительскую семинарию, но учиться не смог, поскольку ему было отказано в стипендии. После этого за один год закончил училище в Кунгуре и экстерном сдал экзамен на звание учителя. В 1908 г. начал преподавать. В 1914 г. был мобилизован в армию и участвовал в боях на фронтах Первой мировой войны. Вёл революционную пропаганду среди солдат, был избран членом солдатского комитета части, корпуса, а затем членом комитета частей связи Северного фронта. После ранения находился в селе Дуброво, где застал революцию. Был на приёме у В. И. Ленина и Ф. Э. Дзержинского. В конце 1917 г. вернулся в родные места, в 1919 г. с началом боевых действий Гражданской войны добровольно вступил в 28-ю [Азинскую](#) дивизию и сражался в её рядах с белогвардейцами. Затем в 1919 г. работал учителем в Дубровском 2-х классном училище,

Ершовской школе до 1921 г., а с 1924 года поселился в уездном городе Сарапуле. 25 лет проработал учителем.

С 1922 года Бор-Раменский начал сотрудничать в газете «Красное Прикамье», где сначала появились его заметки, а затем очерки, рассказы. Сотрудничал с ижевской газетой «Удмуртская правда». В 1924 году в Москве отдельным изданием был опубликован рассказ «Камский вихрь», написанный им на материале Гражданской войны. Со времени создания единой писательской организации являлся членом Союза писателей СССР. Им были написаны романы: «Раменье», «Данила Шитов», рассказ «Дело Гиблой» и другие.

Представляем его неопубликованный рассказ «Дубровское восстание», которое хранится в Пермском государственном архиве новейшей истории (Ф.90.Оп.4. Д.975. Л.1-22).

Село Дуброво Осинского уезда Пермской губернии. Волостной центр. В 1905 году в 426 дворах этого села проживало 581 человек мужского пола и 593 женского¹.

Стоял погожий август 18 года. Торопливо проходили редкие пароходы. Меньше стало пассажиров. Везли по пропускам. От участка до участка по нужным делам.

Как перед бурей затихло Прикамье, притаилось с открытыми, обостренными глазами.

Ползли слухи.

Белые ...

Расстрелы ...

Пожары...

Война...

Кучками собирались мужики в Осинской Дуброве, чесали в бородах, прищурив глаза, смотрели загадочно на холмистый юг, в лесную стену запада. Говорили отрывками об Ижевске, Воткинске, Сарапуле. И как пришли это они, с белыми ленточками, сейчас всех комиссаров заарестуют, сразу молебствие с пасхальным звоном. И – свободную торговлю... Все что душеньке угодно!

- Дайте, господи!

Хмурились лица широкие.

Контрибуция.

- О-ох! – вздохнула просфорня. Умному человеку везде дорога!

Хмуρο стоит старое волостное правление под новой вывеской: «Дубровский Волостной совет».

По избитому полу комнат Волисполкома, по лестницам села, Дубровской волости носился в охотничьих сапогах первый председатель Совета Пастухов Василий². Фонтаном брызжет энергия. Раздается осипший голос.

Каждый новый день несет новые задачи, ложиться тяжелым гнетом на мозг, на мало привычные руки править большой волостью, закреплять Советскую власть.

Косились кулаки, торговцы, старые офицеры. С обеих сторон на Волсовет косились окнами два поповских дома.

- Товарищи! ... Ко-омиссары! Тьфу! – язвили они.

В сутуловатую спину председателя загадочно упирался хитрыми глазками, истошало паучка, казначей Батуев. Под ключьями мочалистых усов сжимал тонкие зубы, быстро переглядываясь с военруком Иваном Петровичем, встречался с

¹ Список населенных пунктов Пермской губернии. Осинский уезд. Пермь, 1905. С.138.

² Пастухов. 24 года. Военный комиссар села Дуброво (ГАПК. Ф. 358.Оп.3. Д.2.Л20.) Большевик. Шофер.

делопроизводителем военного комиссариата Козгоевым. Быстро тушили улыбки, прятали в бумагах глаза.

После занятий, когда табачный дым расплзался в открытое окно, умолкли крикливые голоса, член Волисполкома Жуланов Иван, остановил в дверях председателя, втолкнул его обратно в комнату и озабоченно сказал: «Слушай Пастухов, погода поганится». Надо что-то делать? Ведь знаешь, что Ижевское восстание охватило правое побережье Камы почти от Сарапула до Частых. В Бабке белые, а до Бабки – раз плюнуть. А народ у нас знаешь какой...

- А что? ... Слышал?

- Да не слышал, не видел, а понимаешь вот чувствую. Так и чувствую, что за спиной у меня недоброе затевают, войду, замолчат. Посмотрю засмеются, но в глазах... Ох в глазах – недобрая ложь... не прогадать бы нам?

Не робость Ивана заставляла прислушиваться и зорко смотреть, а дело Советов, которое он ценил высоко.

Сильный, аккуратный, весельчак парень, зажиточный хозяин, он вступая в партию, внес в фонд бедноты 600 пудов гречи и все время стремился к поднятию организованности.

Хорошо Пастухов ладил с народом. Уважали его, и они сильно верили ему.

Снисходительно посмотрел председатель на Жуланова, дружески потрепал по плечу.

- Да уж не так страшно Иван... Наши дружинники кажется надежные ребята, стойкие.

- но велика ли наша самооборона?... Смотри Василий, пронадеешься, заметишь как сволочи гнездо совьют.

- Хорошо. Я сегодня же поеду на Малиновую гору проверять посты, ну а вы здесь поглядывайте, сторожитесь.

- Не беспокойся.

Разошлись молчаливо, с глубокой между глаз.

Охватило правобережье Камы восстание. Советы на левом берегу несли самоохрану.

Легкой рысью бежит лошадь Пастухова в Малиновую гору. Ловко сидит в седле фронтовик, кавалерист. Слева вдали видятся отмели Камы, а за Камой иная жизнь, иная волость, иные порядки.

- Что там теперь? – силится разгадать Пастухов.

И глубоко западают глаза. Правая рука невольно ложится на кобуру.

* * *

Клонится к вечеру день. Струистыми облаками передернуло багряное солнышко.

Затихла работа в Дуброве. Только в военном комиссариате идет строго-конспиративное совещание.

- Другого выхода нет, - говорит военрук Иван Петрович, собирая в морщины изрытое оспой лицо.

- Узнали Советскую власть? ... Довольны? ... Вот... Так оставаться дальше, значит себя, морить крестьян, дать командовать сумасбродам... Но и помните, что лишь гляди подойдут чехи, соединяться с Ижевцами и нас в кольцо раздавят! ... Кругом восстание... Нас живыми не выпустят.... Решайте!

Хриплым шепотом отрывисто вырывается из тесного круга.

- Решать нечего. Пошлем в Бабку делегатов. Сдадим волость и все... Помучались... Научились...

Всех обвел военрук глазами, будто каленым железом прощупал Уверился.

- Значит, теперь?

- Кто не с нами – враг наш.

Хмурили брови, брызгали слюной друг на друга.

- Вся волость с нами поднимется... А эти...

- Голову напрочь ...

- Изуверились мы ...

- Замолчать! – отрезал военрук.

- Ты Иван Клементьевич, так и будешь казначеем. Прекрасно сделал, что в кассе деньги скопил. Они нам очень пригодятся. Вы гражданин, Козгов, как военный чиновник, назначаетесь комендантом села и волости.

Довольная улыбка заиграла на угреватом лице Козгова.

Заговорили все, близко соткнувшись головами.

- А Вам Иван Петрович, как офицеру, фронтовику, просим взять на себя руководство... Командование всеми военными силами и действиями.

- Кроме Вас не кому... Самым главным над всеми...

- Все в Ваши руки.. Согласны товарищи?

- Единогласно!

Больше освирипело лицо военрука. В правой руке сжал браунинг, пальцем левой – будто чертит оперативное распоряжение, бросает отрывисто глухие, каменные слова приказа.

- Слово «товарищи» не произносить. Штраф три рубля за слово.

По всем дорогам из надежных людей выслать посты, чтобы не сбежали эти... Захватить все учреждения. Немедленно! ... Не подчиняющихся - арестовать, а при сопротивлении расстрелять. В Бабку выслать из почетных граждан парламентаров для присоединения и просить отряд.

Спешно распределили обязанности, поручения, время.

Сжимая револьверы, шли по двое торопливо по намеченным направлениям.

На площади меж пустых лавок, вспугнув овец, подбежал торговец Фомич. Снял фуражку, заискивающе, спросил: «Как?».

- Готовьтесь.

- Слава те господи!

Размашисто перекрестился, побежал домой, круто повернул с дороги к другому торговцу, к попу.

- Готовьтесь.

Захлопали калитки тяжелых ворот. Замелькали в окнах лица, быстро понеслось по Дуброве: «Восстание!».

Белобрысый почтово-телеграфный начальник Попов – «Белый барин», согнулся, стучит на телеграфном аппарате, передает последнюю телеграмму Советов.

- Руки вверх! ! !

Чтоб вас леший взял! ... Вы чего? Садись Иван Петрович! Роняя слова, хмуро комендант отчеканил.

- В Дубровской волости делаем восстание. Присоединяемся к Ижевской армии. Я комендант Дубровы, именем Учредительного собрания, приказываю вам прервать всякую связь с территорией Советов... Поедите в Бабку парламентаром – или вы арестованы.

- Дак вы не шутите?! Уберите вы, дьяволы, свои пистолеты... Поди еще заряжены, - замахал руками Попов.

- Я так с удовольствием. Только основательно надо.

- Н- н – ну!!!

Засуетился «Белый барин», оборвал Елонские провода, радостный подошел в плотную. Давайте бумаги, распоряжения. Мне все одно, - зашмыгал он носом, распуская изо рта тяжелый запах.

* * *

Вечер.

Утомленный, успокоенный возвращался Пастухов с Малиновой горы. Не тревожило закамье. Зорко несут дружинники самоохрану. Тихо встретило село. Подъезжая к квартире, захотелось прилечь «на скорую руку» - отдохнуть. Постоял на дворе, похлопал по шее лошадь, не расседывая привязал её.

- Может понадобится ночью.

Не раздеваясь, лег в постель, пощупав с боку браунинг, сладко потянулся.

- Надо собрать ребят, пронеслось в мозгу.

Быстро потонул в дремоте.

* * *

- Василий Ефимович, вставай!. . . Слышишь, Пастухов, вставай!

Тревожно пробудился.

- А! ... Что?...

Из полумрака в оба глаза нацелились два черных дула.

- С нами или против нас?!

- Убирайтесь вы к чертовой матери, не дурачьтесь. Спать не дают сволочи... Я устал, а они.

- Чтоб вас леший взял... Вы чего?... Садись Иван Петрович!...

- Говори!?

- С тобой не шутят, - сверкнул глазом Иван Петрович. «Нас окружили. По дорогам поставлены заставы. Ты с кем и против кого?»

Вздрогнул Пастухов, пружинисто поднялся.

- Вы очумели. Куда я от партийцев. Ты как партиец, должен знать...

На лестнице комендант обошел вперед, военрук спускался сзади, дорогой шли по обе стороны казенным шагом, не вкладывая оружие в кобуры.

- Что вы меня, как арестованного ведете, - забеспокоился Пастухов.

Школа гудела сдержанными голосами. Нарастала встревоженная беготня. По Дуброве белогвардейские повстанцы искали членов Волсовета.

Перед глазами председателя из полумрака класса мелькнули штыки, мелькнули озверелые лица. Понял безвыходное положение, а когда сорвали оружие, стал искать в мозгу слова, чтобы спасти себя, спасти положение, успокоить людей. Говорил отрывками, путал нить. Загудело несколько голосов.

- Туго пришлось, так зубы заговаривать...

- Арестовать!...

- Попраздновал ка-амиссар!...

- Товарищи!... _ - Пробует пересилить голоса председатель.

- Черт тебе товарищ!... Вот придет отряд, он покажет товарища.

Нетерпеливо выбежали люди на крыльцо школы и глядели на темнеющий юг, ждали.

- Из Фок, из Ваньков должны скоро белые быть.

- Твой мать! Узнают тогда реквизиции!

Из своей квартиры выводили нарсудью Пономарева Михаила, награждали ударами, выкриками.

- Закройся... Поддай ему!...

Запыхавшаяся кучка людей с окраины села вела Жуланова Ивана Михайловича.

- Сволочь, на Амуре спрятался.

Вели с разных сторон Дубровы. Вели членов Волсовета, вели дружинников, вели лиц по подозрению. Вели спешно. Забивали ими арестантское отделение – нижний этаж волостного управления.

- Вот, едрена мать, пригосилось ведь помещение то.

- У меня в нем овцы спали от жары – пошутил Пастухов, забираясь в угол арестантской.

Никто не ответил. Нахлынули думы. Все завещали, разгадывали – что будет? Казалось не серьезным, шуточным. Казалось, что вот, проползет ночь, все выяснится, снова все будет по старому.

Парламентеры сделали свое дело.

Ночью прибыл из Бабки карательный отряд.

Командир отряда Санников Евграф³ хищно вытягивал шею, кусал губы, впивался глазами в темноту, шептал проклятия.

- Ну уж покажу же я теперь им свое отобранное имущество. Узнают кто такой Евграф.

Зашумела, встревоженная волость.

Над головами арестованных проносился дробный топот ног, стукали приклады винтовок, раздавались выкрики, шумели голоса....

- Туда им и дорога... Слыхано ли дело ... Нелюди ведь!...

Только фамилии Пастухова, Пономарева многих заставила призадуматься. Не слышали худа от них... Цедили сквозь зубы: «Оно конечно... А, между прочем – все едино...

Быстро разносилась весть из конца в конец Дубровы, по 24 деревням волости, будорожила новые толки, предположения, аресты.

Созывались экстренные сходы. Шумели мужики, писали приговоры. Бабы, дети на коленях, со слезами вымаливали подписи, одобрения, чтобы спасти кого-либо из родных из под ареста, а может быть от смерти.

- Смирно! ... Цинично ворвалась команда в распахнутые двери арестантской.

Мелькнули две усатые винтовки. В темноте за ними шелкнули затворы.

С «заплечными мастерами» вошел надменно предводитель отряда Евграф. Раздельно процедил: «Что сволочи, прижали уши!» ... Евграф – бандит?... Нет!!!... Евграф судить вас станет, карать и миловать!

Двадцать пар глаз впилась в него из угла арестантской. Двадцать дум рылось в головах:

- Что со мной сделает?... А может помилует?...

- Становись в очередь!...

Встали покорные, молчаливые, только у некоторых блестели злобой глубоко запавшие глаза.

- Ложись!.. – ткнул в первого Евграф – Дать ему 50.

Зловеще засвистели из цинковой проволоки нагайки. Отливали в ламповом свете металлическим блеском. Извивались как змеи, врезывались в тело.

- Ж-ж – жих!... - Ж-ж – жих! - шипят они.

На теле сплывают толстые багрово-синие рубцы, брызжет кровь, свисают лохмотья разорванного мяса.

Дикий нечеловеческий крик наполняет тесную комнату. Чем дальше, тем тише – переходит в стон, теряет сознание жертва. А нагайки шипят, разрывают тело.

- В-воды на подлеца!

Слабых отливают холодной водой, чтобы снова мучать.

Ж-ж – жих!... Ж-ж – жих!...- свистят кровавые змеи по новому телу.

У очередных арестованных в диком ужасе расширяются глаза, по телу пробегает зыбкая дрожь, мертвеет лицо, судорожно сжимаются внутренности.

- Сейчас меня... Моя очередь... - шепчут побелевшие губы.

И снова нагайки справляют на теле танец победителя.

Отделился бородатый охранник матрос Семен.

- 50 ему подлецу!!!

- Евграф Петрович, нельзя ли по знакомству то хоть 25.

Торгуетя матрос.

- 50, сукин сын!

- Евграф Петрович!

- Ложись, - замахнулся Евграф.

Точно раздвинулись стены арестантской. Окаменело лицо матроса. Стиснул зубы.

- Не лягу.... Бей стоя! Я матрос...

Он спустил заплатанные штаны, подобрал рубаху, повернулся задом.

- Н- ну!...

³ Санников Евграф – гр. д. Аманеевой Дубровской волости, бандит, бежал во время контрибуции его имущества.

Свистнули нагайки. Рубцуются тело. Брызжет кровь. Звереют «заплетные мастера» – хочется сшибить, хочется выбить дух у каменного матроса.

- 20... 30... 40...

Матрос стоит крепко, закусив губы. Лоб покрылся испариной. Ни звука.

- Бей сильнее! – Злобствует Евграф.

Очередные не в силах вынести зрелище, отвернулись, рвут зубами одежду, пальцы.

- 50...

- Что взял!... – застегивая штаны, изрыгает матрос.

- У матроса жила крепкая. Душа далеко – нескоро достанешь.

Докатилась очередь до Пастухова, до Пономарева. Смutil ли Евграфа голос народа, знакомство ли с ними, или хотелось на свою сторону склонить нужных людей.

- Ты садись... Ты тоже, - ткнул он обоих.

Обида сжала сердце. Стыдно стало перед товарищами от полученной милости.

Избитые, раздетые до белья, остались арестованные после первой встречи.

Пятая ночь закутала темнотой Дуброву. Робко мелькают огоньки по избам. Группируются мужики у ворот, пересуживают.

- Круто за дело принимаются.

- Да, за лычко ремешок выдирают.

- По заслугам ведь жалованье платят. Черт нес на худой мост.

- Не сами ли мы выбрали, - пробует кто-то вставить из густой темноты.

- Тебя видно не щупали... Хлеб не выгребал... Контрибуцию не плачивал, так и помалкивай, пока шкура не лопнула.

Деревенские кулаки подняли головы, визгливо кричали.

- Ну держись теперь, сволочи, крепче за землю, а то скоро в яме окажитесь - грозили в окна членов деревенских советов.

Припоминались обиды. Перепаханная межа, устарелая ссора, подыскивался мотив мести.

Не пришлось сомкнуть глаза арестованным. За 6-7 часов 3 раза приходили «заплетные мастера». 3 раза ходила цинкованная нагайка по испещеренным спинам. Три раза выгоняли большевистский дух из советских людей.

Ласково розовел восток. Обычно всходило солнышко, но не обычно, не ласково начинался рабочий день в Дуброво. Не стучали телеги.

Не пестрели жнецы на полях. Цепью армейцев застыли суслоны в рядах, точно забывшие команду, оставшиеся без командира.

У арестантского отделения толпились кучки людей. Бросали проклятия, шепотом передавалась жалость, от чужого взгляда прятались слезы.

Несли в платках в правление засаленные, вымоленные одобрительные приговора от общества «освободить из под ареста».

Из деревень вызывались представители на волостной съезд. Рукой, подписавший повестку, стояла выдавленная приписка: «Пролетариата не высылать».

Не многим удалось освободиться из под ареста.

Прятали, освобожденные, от людей знаки отличия цинковых нагаек. Прятались от лишнего глаза.

Дрожал Павел Жигулев, метался по арестантской с ужасом, с тоской глядел на двери. Всякий стук заставлял бледнеть, съеживаться.

- Расстреляет меня Евграфко, как пить даст, расстреляет, за конфискацию имущества.

- Да ведь не ты приказывал, - шепчут арестованные.

Но ведь я, понимаете, я проводил конфискацию. Кто делал – строго и взыщут... А обо мне хлопчет общество. Приговор послали – освободить.

Скрипел Евграф, нагайкой молотил по столу, с наганом бегал по селу, пытался узнать кто конфисковал. Три раза спускался в арестантскую, допрашивал председателя.

- Слушай, Пастухов, скажи – кто делал. Только скажи – помилую.

Пыткой казались эти допросы Жигулеву, игрой кошки с мышкой, приводили в безумие. Он втискивался в угол, прятал лицо, бросал взгляды на Пастухова, полные мольбы и ужаса.

- Или муки и смерть.

- Или жизнь и свобода.

Помолчал Пастухов, крепко подумал, решил.

- Не помню Евграф Петрович.. Право не помню...

Зеленел от злости Евграф, крепко сжимал в руке наган.

- Не может этого быть!... Не может!... Знаешь!!!

- Евграф Петрович, ты знаешь, я был председателем. Свыше получал распоряжения и за выполнение отвечал головой. Также и я подписывал распоряжение, но кто выполнял не знаю. Я подневольный, а он тем более.

- Н- ну Пастухов, пожалеешь, - процедил сквозь зубы Евграф.

Вверху шли совещание за совещанием.

Прибывали белогвардейские части из Фок, Ваньков.

Распустив рукава, павлинами ходило духовенство. С торжествующим видом гуляли поповские дочери. Принарядились торговцы, обыватели. Радостно звонили колокола.

Освобожденным вышел Павел Жугулев. Страшно стало оставаться. Страшны плети. Страшен Евграф.

Ушел на службу к белым. Уходили многие. Вымолила мать Пастухова свидание, пришла повидаться с сыном, плакала.

- Вася, покорись, покайся... Расстреливать тебя хотят.

Хватала за руки, обнимала голову, роняла старческие слезы.

- Сила у них.... Покайся, повинись им.

- Оставь мать... Не в чем мне каяться. Я виновным себя не считаю.

Глухи стены арестантской. Железная решетка бросает шахматную тень от окна. Медленно ползет время.

Зловеще скрипнули двери. Мелькнула бумага. Деревянным голосом выкрикнули: «Жуланов Иван Михайлович... Бурнашев Ефим... Жигулев Михаил выходи».

Будто задержались секунды. Запало сердце в груди. Широко открытый остановился испуганный взгляд.

Тряхнул головой Жуланов. Глубокий вырвался вздох.

- Прошайте, товарищи, за нас отомстить не забудьте.

Вышли под сильным конвоем. Яркий день ударил в глаза.

Измученные, в своем изорванном белье, казались выплюнутыми жевками.

- Куда их ведете!... Бей тут, рычала толпа.

- Сбегут большевики проклятые!...

- Мотаус!⁴...

Крепко стянули веревкой руки по спине.

Отчеканил конвой: «Направляются в Бабку... Там с ними поговорят».

Остались позади приземистые домики окраин села. Лениво убегала назад из-под ног колеистая дорога.

Тупо ныли, багровели, стянутые веревками руки.

Провожая, арестованных, глухо шумел сосновый бор, качали головами на лугах запоздалые цветы.

Хмуро встретила одичалая Кама, сердито ворчала у лодки под кормой.

- Большевиков привезли!... Бей их толстолобых, - кричали бабкинские белогвардейцы.

У начальника отряда вынесли приговор скорый и короткий: «Расстрелять!»

И поставили за околицей на высоком бугре, у свежей могилы.

⁴ Вережка

Блестела окнами Бабка, звенела голосами. Только новая школа потемнела близь свежей могилы.

С холма открывался широкий простор на реку, на Дубровские леса, на заливные луга.

- Прощай свободная Кама, родная кормилица,- вырвалось с болью у Жигулева Михаила. Широкий горизонт влил новые силы Жуланову. Чувствовал себя центром события, выше людей с винтовками.

- Стреляйте, сволочи, не жалеите! ... Всех не перестреляешь!... Советскую власть не убьешь! ... Сыпал он с холма крепкую ругань.

В осужденных тупо смотрели дула винтовок, смотрела расширенными глазами толпа праздных зрителей, жаждущих крови.

- Взвод...

На встречу винтовкам выпятил открытую грудь Жуланов Иван, сквозь стиснутые зубы крикнул: «Запомните, мать вашу!!! И вам скоро конец!»

- Пли!...

Коротко щелкнули выстрелы. Колыхнулся воздух. Взвыли короткую песню смертельные пули. Змеистым ручьем потекла кровь по двум осевшим телам: Жуланова и Бурнашева. Жуланов остался стоять. Неверный выстрел у него вырвал глаз. Страшная кровавая маска закрыла лицо. Диким голосом выкрикнул хрипло: «Добивайте!!!»

В ужасе охнули люди от страшной картины.

Их расстреляли на глазах толпы, на страх другим.

Тревожно ждали своей участи, арестованные в Дубровской «кутузке». Целый день у окна мелькали, сменяющие зрители, несли разные слухи, услужливо шептали: «На площади ставят столбы... Висилицы вам делаю».

Судорога пробегает по телу. Душно становится в арестантской.

- Хотят жечь на костре.... Все говорят.

Новой болью отзывается весть.

- Ямы копают... К вечеру расстреливать.

Тупеют нервы. Овладевает безразличие.

- Все равно смерть.

Снова являются «заплечные мастера». Снова кровавую вакханалию справляли цинковые плети.

В крике ярости вбегал Евграф, в бешеном опьянении бил по головам арестованных ручками наганов

- Мозг выпущу.

Кровью запеклись волосы на голове. Застыла на лицах боль, кровопотеки.

Властно подползла ночь. Наполняла жутью темные углы. Подкрадывалась с новым, страшным, неизвестным.

Мимоходом белый комендант передал Пастухову: «Сегодня ночью будут вызывать тебя. Не выходи». Заворотился и ушел». Чужой, окаменелый, будто испугался, оставил в голове тяжелый туман.

Могильным холодом повеяло в арестантской. Когтистыми пальцами впиалась в сердце смертельная тоска.

- Не куда деваться... Нет выхода... Дружнее товарищи!...

Где то гнусавит громофон. В поповском доме звенит гитара. Мягко льется песня. Задорно сыплется довольный хохот. Пьяная скулит в селе тальянка.

Глухо пробило двенадцать.

- Пастухов Василий выходи, - сделанным спокойствием сказал Евграф с порога арестантской.

Забился в угол Пастухов, крикнул: «Не пойду!... Хочешь, убивай здесь на глазах. Пусть видят товарищи твою работу».

- А-а, догадался, сволочь!...

Грохнул дверью, роняя ругательства.

В эту же ночь связанным в телеге увезли военкома Григория Пастухова в вересняках расстреляли за селом.

Жутко донеслись выстрелы из темной ночи. Болью отозвались в сердце арестованных. Циничным хохотом их встретили в поповском доме командиры.

- Одного с учета сняли!...

На рассвете шумел упорно вересняк и кланялся над маленьким холмом из желтого песка. А на утро густой толпой шли дубровцы в церковь. Жирным басом гудел широко колокол. Праздновали воскресенье, молились о ниспослании мира, богатые милости.

- Сейчас поведут...

- До царствовали...

- Слышь в Каме топить хотят.

- Чего с ними. Гришку в верестниках разбухали и этих нечего таскать.

Одиночками стояли грустные люди, на ходу бросали замечания: «Ведь люди же, а»...

- Кто знает еще, кто лучше то будет.

Торжественно вошел в арестантскую комендант и будто, сообщая важную новость, сказал: «Приготовиться всем. Сегодня отправят в Бабку и наверное ...расстреляют». Добавил на пороге.

Крыльцо оцепили сильным конвоем. Парами выводили арестованных.

- Пастухов, Пономарев... Деревнин, Жуланов Семен... Кловиков, Бурнашев... Быков, Касаткин Василий...

По-разному загудела густо толпа, заволновалась.

Седобородый старик Василий распялил короткие руки, пятился, отесняя людей, сам пялит испуганные глаза. С сбившимся платком пробивается толстая, как квашня, баба, тяжело отдувается. Захотелось заглянуть каждому, как на новых людей.

- Мотаус – выкрикивает старый конвоир обычное слово, в своем обиходе.

Скручивали сильно позади руки, привязывают плотно к руке соседа, привязывают ноги. Поблескивая оружием, с высокого крыльца, торжественно, как на параде, Евграф говорит речь толпе.

- Перед вами главные враги народа.... Мы не хотим пачкать о них руки. Отправляем их в Бабку начальнику отряда.

Жуткая выстроилась процессия.

Скрученные, сцепленные друг с другом веревками, потянулись парами, избитые, окровавленные, лохматые люди под сильным конвоем. Верховые скакали вперед по улицам, гнали во дворы людей.

- Дорогу!... Дорогу!... Прочь с дороги!...

Свежий воздух, веселый день освежил Пастухова, вернул живую веселость.

- Эх... твой мать, все единственно! Крикнул в закручивающуюся толпу женщин: «Прощай моя милая, ашшо буду, ашшо нет!...

Сморщенные домишки, полуразвалившееся изгородь, сосновый бор, казались милыми как никогда. Хотелось остановиться, задержать, унести их в памяти.

Проехал навстречу из Бабки на паре колокольчиками «Белый барин». Силится близорукими глазами рассмотреть процессию.

Исказилось лицо председателя, дернул плечами, хотел вырвать связанные руки, крикнул сквозь стиснутые зубы: «Эй, парламентар! ... Молись, курва, своему богу, чтобы меня до смерти убили, а то смотри вернусь... Считаться будем!»

Молчаливо встретила Кама.

Молчаливо встретила лодка.

Молчала природа.

Ослабили веревки арестованным, усадили в лодку.

- Ну, товарищи, знать последний раз плывем по Каме матушке!

- Кричать!... А то скорее, скорого будите в Каме раков ловить. Меньше осталось жить.

Тишь на реке. Не стучат пароходы. Не раздвигает грудью воду баржа. Не ползут плоты. Нет и песни бурлацкой. Будто маслом передернулась Кама, да в стороне над водой мечется пара серебристых чаек.

Глубоко задумались арестованные. Друг у друга читают мысли в глазах. Как на экране ясно проходит у каждого в памяти жизнь со всеми деталями.

Скоро берег.

Скоро.

В строгой шеренге замерли арестованные.

- Ага, опять Дубровских большевиков доставили... Так...

Ритмически стучит карандаш начальника отряда, просматривает сопроводительный материал, готовится к допросу.

- Введите их сюда. Отворилась дверь. Дрогнул Пастухов. Мигал, вытягивает шею Пономарев.

- Федька Решетников! Шепчут они оба.

Всматривается начальник в арестованных, узнает в обоих школьных товарищей, друзей по Дубровской школе. Мелькает в памяти у всех троих школьная жизнь.

- Здорово, меньшевик, впивается в него глазами Пастухов.

Мнет Решетников в морщинки лицо, что-то пишет, кривит губы усмешкой, долго тянет формальный допрос.

Вытянулись, как в строю, в своих окровавленных лохмотьях, стоят арестованные, отвечают коротко.

- Уведите их. Кивает начальник головой на остальных, пристально смотрят на остальных Пастухов с Пономаревым.

- Ну, скажите, ребята, что вас заставило быть большевиками.

- То, что тебя заставило быть меньшевиком.

Мучительно ищет Решетников слова, хочется оправдаться, хочется найти одни взгляды, договориться, перетянуть знакомых ребят на свою сторону.

Молчат арестованные.

Тяжело замолчал и Решетников, нахмурил брови, между глаз собрал морщины. Пальцы тускло выбивают дробь.

- Вот что, - тяжело поднялся он.

- Я для вас ничего сделать не могу, кроме как отправить всех в Воткинский завод... А там, кто его что... Сами там....

Казенным шагом повернулись, вышли из кабинета начальника арестованные.

С увала на увал потянулись дороги из Бабки в Воткинск. В страшные железные баржи.

В воткинских баржах сидело несколько сот человек, из которых до 400 замучено.

* * *

От потери крови лежит бледная женщина, с обострившимся носом, тихо стонет, говорит медленно: «Федор, не давай в обиду детей... Ключ от сундука в карма-н-е...

Румянится нежно закат. В стекленеющих глазах раненой отливается кровью.

Судорожно поднялась грудь, будто вобрала много воздуха, откинулась голова и на полукрытых глазах заиграл мертвый блеск.

- Кончилась! – кто-то шепнул как ветер.

Шатнулся муж, сжался, от невыносимой боли, шагнул назад, бросил винтовку в залитое кровью колесо телеги и сам пошел не верными шагами в огород, по коноплям без дороги в поле.

Подводчики бросали военный груз, одичало забегали в пустые дома, хватали имущество.

- Ого-го! ... Бери!...

Наваливали в телеги сундуки, одежду, посуду, половики, кадушки, что попадало на глаз под руку.

Топтали самовары, посуду, били граммофоны, гитары. Оси телег мазали медом, толкали его в рот лошадям.

- Ешь!.. Война!.. Ма-ть!.. Жить вместе, пропадать вместе.

А на утро пили чай из котелков, жевали черствый хлеб, досками заколачивали окна, чтобы поместить раненых.

Деловито соседкам рассказывает вдова.

- Застреляли как – я в картофельную яму... сижу... Они и пошли... Гляжу один заглянул... Батюшки мои – обмерла я... Он спускается ко мне, смеется... Ну че.. Куды денешься. Ешь пожалуйста досыта... Этого добра хватит.. Потешился, ушел спокойно...

Тогда и у меня от сердца отлегло... Война!.. Куда девашься девка. Кто чем воюет.

* * *

Вернувшиеся красные выкапывали трупы из земли, хоронили с почестями.

Снова менялась власть. Снова шли доносы и расстрелы. Выбрасывали трупы из могил, сваливали их в углу на кладбище.

Пламя гражданской войны лизало побережье Камы, без пощады, как грозная стихия. Содрогалась в ужасе интеллигенция, закрывала лицо руками. Страшен человек в борьбе не на жизнь, а на смерть.

* * *

Без седел выехало 5 осинских парней.

В разведку вокруг деревни поехали – смеялись они.

- Кого разведывать, коли ни стрельбы, ни боя?!

- Старики посылают.

Активистами были ребята при Советской власти. Культкружок организовали. В первом своем протоколе писали корявыми буквами: «Защищать молодую свободу от всех червей, которые подтачивают Советы».

Не посмели теперь старикам перечить – шутя, поехали.

На утро в трех верстах от деревни нашли пять изуродованных трупа. С безумным плачем везли их в телеге, как с бойни туши.

Плакала деревня темными слезами, в небо слала проклятия.

Разгоралась злоба.... Доносы.... Расстрелы... Пожары...

И не было в людях жалости.

Расстреляли беременную женщину.

52 человека убили в Дуброве.

Толстый старшина, с тупым бычьим лицом допрашивал пленных красногвардейцев, трясущихся от холода.

- Ты что, красноголовок?...

- Был в красной гвардии... Хочет еще что-то добавить красногвардеец.

- Ага... И старшина лениво берет карабин, лениво прикладывает к плечу, медленно прищуривает глаз и в упор стреляет в голову.

- «Хе-Хе». .. Смотри ко ты, ловко... И не дрогнул, - глядит он на убитого.

К печати подготовил Ситников М. Г.